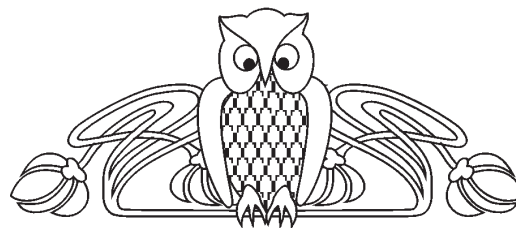

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 293–297
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 293–297
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-293-297>

Научная статья
УДК 159.923.2

К определению предмета социальной феноменологии

О. А. Сомова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сомова Оксана Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Аннотация. Статья нацелена на установление проблемного поля социальной феноменологии. Причиной для обособления социальной феноменологии от социологии феноменологического направления выступает принципиальная разница их методологий и целей исследований. На основании работ авторов феноменологического и социально-конструктивистского направлений было выявлено общее концептуальное ядро, связанное с выделением в области социального взаимодействия недифференцированного и не изученного ранее коммуникативного горизонта. Коммуникативный горизонт принадлежит примордиальной сфере субъекта и представляет собой результат демаркации объектов гомогенного живого мира по критерию способности к интеракции. Линия демаркации детерминирована поведением существ и не обязательно охватывает зону только человеческой воплощенности. Констатируется, что коммуникативный аспект и аспект вопрошания о себе как о человеческом существе оказываются тесно связанными. Подвижность границ значения объектов и явлений мира, субъективность суждения, а также возможность соотнесения с конкретной социально-исторической действительностью составляет совокупный предмет социальной феноменологии. Формулируется вывод, согласно которому ввиду отсутствия однозначных критериев определения рамок социального мира следует прибегнуть к дескрипции феноменального плана установленной социальности, в перспективе способной помочь различать уровни социальной реальности.

Ключевые слова: феноменология, социальная реальность, интерсубъективность, ктойность, коммуникация, жизненная форма

Для цитирования: Сомова О. А. К определению предмета социальной феноменологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 293–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-293-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the formulation of the subject matter of social phenomenology

O. A. Somova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana A. Somova, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Abstract. The article is devoted to the formation of the problem field of social phenomenology. The author analyzed the works of the phenomenological and socio-constructivist directions of research and identified a common conceptual core. The authors (T. Luckman, M. Merleau-Ponty, M. Eldred) distinguish a previously undifferentiated communicative horizon in the field of interaction. The communicative horizon belongs to the primordial sphere of the subject and is the result of the demarcation of the homogeneous world according to the criterion of ability to communicate. The line of demarcation is determined by the behavior of beings and does not necessarily cover only the zone of human embodiment. It was established that the communicative aspect and the aspect of asking about oneself as a human being are closely related. The mobility of the boundaries of the meanings of the world objects, the subjectivity of judgment, the possibility of correlating with the help of socio-historical reality comprise the aggregate subject matter of social phenomenology. The author concludes that due to the lack of unambiguous criteria for establishing the framework of the social world, one should resort to the description of the phenomenal plan of sociality, which can help to qualitatively distinguish the levels of social reality in the long term.

Keywords: phenomenology, social reality, intersubjectivity, whoness, communication, life form

For citation: Somova O. A. On the formulation of the subject matter of social phenomenology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-293-297>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Феноменологический подход к анализу социальной реальности преодолевал классический социологический эссенциализм и тем самым позволил заложить качественно новые принципы изучения общества. Основоположник феноменологии Э. Гуссерль критически переосмыслил способ понимания объективного мира, поставив его существование под вопрос. Положенное в начало мышления *Ego cogito* лишает независимости воспринимаемый мир и сосредоточивает внимание исследователя на конституирующей реальности работе сознания, центральной операцией которой является понимание. Социальный мир представляется как бесконечный горизонт опыта, согласованного между членами общности. Суть феноменально понимаемой социальности заключается в обнаружении *несобственных* смыслов, выявленных на основании смысла собственного, истолкованного. Тем самым феноменологическая парадигма в социальных исследованиях, как представляется, позволяет объяснить основы социальности и именно в этой точке происходит кардинальное расхождение между социологией, заимствующей категориально-понятийный аппарат феноменологии, и собственно феноменологией социального мира.

Конститутивная феноменология естественной установки, инициированная в работах А. Шютца [1, р. 44], определила для будущих социальных исследователей область изысканий, а именно мир естественной установки, некритичного восприятия действительности и типового поведения. И хотя «немецкая» и «англоязычная» социологии с разной степенью приязни относятся к феноменологическим вкраплениям в собственный методологический аппарат, все же обоим направлениям социальной науки присущ позитивно ориентированный взгляд на результаты собственной деятельности [2]. Как пишет Т. Лукман, представитель конструктивистского направления, феноменология является философией и по своей природе эгологична, в связи чем она занята конституированием, а социологическая наука – конструированием [3, р. 44].

Краткая ретроспекция проникновения феноменологии в социальные науки акцентирует собственные цели феноменологии социальной реальности, сосредоточивающейся на сознании, существующем в модусе бытия-с-другими. В новом подходе исследования предметом должно стать субъективное, раскрытое в горизонте осознания собственного бытия как бытия-с-другими. Социальная феноменология обращена к *артикулированию границ социального мира*, внутри которых раскрывается пространство

типичного. Ориентирование феноменологии на «сырой мир», мир, который только будет определенным образом осмыслен, предпосылает социальной феноменологии схожее стремление установить первичный феноменальный опыт бытия-с-другими.

Из определения предмета исследования возникает закономерный вопрос об обоснованности выделения феноменально понимаемой социальности как таковой. Если человек существует в пространстве жизненного мира, в котором правит естественная установка сознания, то отыскание оснований социального в сознании не требует особого исследовательского подхода. Большинству живущих людей знакомо чувство общности мира, соучастия и без специального анализа. Единственным источником этих чувств выступает только жизненный мир и социализированность индивида. На чем тогда основано феноменологическое недоверие к естественной установке и что должно входить в содержание социально понятого сознания?

Действительно, на первый взгляд подобное разделение представляется несущественным. Жизненный мир каждого человека пронизан общественно разделяемыми смыслами и раскрывается на базе общей культурной традиции, пассивно синтезированной в сознании субъекта. Каждый предмет, вещь или явление имеет определенное значение, так что не существует «слепых» зон, которые не были бы вписаны в контекст, а другие люди никогда не бывают восприняты без их привязки к какому-либо сообществу, в котором происходит совместное конструирование объективного мира и себя самих [4, с. 86].

Переживание мира как «существующего для всех», а именно это и составляет сущность intersубъективности по Гуссерлю, одновременно означает переживание его превосходства по сравнению с субъективным опытом. В отличие от всех переживаний и испытанных явлений этот мир существует сам по себе, в связи с чем можно констатировать его трансцендентальность [5, р. 26]. Между тем общечеловеческая способность к осмыслению мира не соотносится с выделением оригинальных черт человеческого бытия. Физиологическое подобие, предполагаемое Гуссерлем в основании возможности встречи двух мыслящих субъектов, помимо прочих трудностей и оговорок [цит. по: 6, с. 70–75], автоматически не наделяет встречного человека полной статусом, так как окружающий мир воспринимается в целостности своей фактичности. Так, социальная реальность обретает свое гетерогенное содер-

жание. Структурное описание, производимое теоретиками социологии, не позволяет дать исчерпывающую картину социальной реальности, не урезая ее онтологического статуса. Многообразие явлений социальной реальности требует феноменологического анализа примордиальной сферы субъекта, вступающего в коммуникативное взаимодействие.

О неоднозначности двух планов социального пишет Т. Лукман в своем эссе «К границам социального мира». Он обращается к исследованиям этнометодологов и антропологов, на примере которых обосновывает изначальную живость мира и отсутствие особого статуса у воспринимаемых человеческих существ. Социолог анализирует апперцептивный механизм полагания других субъектов, сформулированный Э. Гуссерлем, и замечает, что аналогизирующий перенос возможен при наличии предпосылки о человечности трансцендентального эго, природа которой носит интересубъективный характер [7, р. 79]. К тому же чувство «живого тела», присущее Другому, не тождественно значению собственного тела субъекта, ранее подразумеваемого в механизме апперцепции [7, S. 80–81]. На этом основании Лукман предполагает, что интенциональность носит *проективный характер*. Посредством проекции каждое воспринимаемое «живо» по-своему.

«Бытие человеком» как модус восприятия не является аподиктически принадлежащим естественной установке сознания, а интериоризируется в нее – такова магистральная мысль эссе Лукмана. Сложный комплекс конституирования Я как субъекта взаимодействия «осаждается» в культурную систему типизаций: региональную типологию исторического жизненного мира. Иными словами, статусы объектов являются не более чем феноменальным субстратом интересубъективно конституированной системы интерпретаций Вселенной и приобретаются Эго в процессе социализации. Если результаты субъективной операции «универсальной проекции» институционально не стабилизированы, то потенциально значимое различие между вещами, на которые был перенесен смысл «живое тело», может проблематизировать цепь типизаций [7, S. 90]. Результаты самоопределения человеком своего положения относительно других людей интегрируются в общую структуру общественных взаимоотношений и институтов. В свою очередь, общественная структура напрямую формирует притязания человека на собственную человечность. В этом мнении Лукман также расходится с Гуссерлем, для которого общность природы является *первой и определяющей* все возможные другие общности [8, S. 51]. Феноме-

нолог видит в природе основания демаркации человеческой, интересубъективной реальности.

Социальность сознания, т.е. артикулирование оснований бытия человека в его включенности в человеческое сообщество, не ограничено сферой людской воплощенности. Лукман приводит в пример культуры, в которых люди, животные и растения включены в единый жизненный пласт и даже обладают собственным языком [7, S. 94]. А европейская культура берет начало в культуре античной, в которой граница человеческого проходила между эллинами и варварами. Социолог предполагает, что основанием для социальной демаркации является характер движений воспринимаемого объекта. Некоторые из множества ощущений и манер поведения (бег, сон, танец, агрессия и т.п.) могут стать стержнями схемы демаркации, другие — вспомогательными категориями, дополняющими образцы соответствия жизненного мира [7, S. 97].

Схожий ход мысли обнаруживается и в рамках классической феноменологии. Для Мерло-Понти, также связывающего интересубъективность с «общающимся бытием», лингвистический уровень общения базируется на первичном перцептивном опыте. В связи с аналитикой совместного присутствия феноменолог отмечает, что «живое тело» обозначает вокруг себя свой мир и разделяет его с другими существами во взаимодействии. «Продление» мира между живыми телами не указывает с определенной точностью на человека [9, с. 451]. Первичное восприятие служит основанием человеческой культуры, если произошло пересечение интенций нескольких субъектов. Местом вынесения «онтологического вердикта» является момент обращения человека к существу, происходящий в акте коммуникации.

Понимание человеком самого себя происходит одновременно со становлением коммуникативного горизонта, в соотношении себя и мира, нахождением в нем отклика или, напротив, экзистенциальной тишины. Предположение за животным способности вступать в диалог основано на решении относительно собственной способности к коммуникации и идентификации с предполагаемым жизненным миром другого существа. Как правило, в западноевропейской философской традиции все же принято разграничивать качество взаимодействий с разными живыми существами, что объясняется пересечением интенций. Общение с себе подобным сильно отличается от взаимодействий с материальным миром, который практически безразличен к попыткам его проинтерпретировать [10, р. 175]. Но и на уровне человеческого общения процесс демаркации не заканчивается.

Подробно коммуникацию, с точки зрения социальности, рассматривает современный исследователь социальной онтологии и феноменологии коммуникации М. Эддред. Философ указывает на гегемонию традиции западного философствования, в которой общественное (common) и социальное (social) было сплавлено в единое усредненное понимание общества. Социально трактуемое сознание Эддред связывает с феноменологически понятой коммуникацией и концептом «ктойности» (whoness). Ктойность – модус присутствия, ключевой характеристикой которого выступает самовыражение существ, осознание их человеком как идентичных друг другу [11, p. 18]. Ктойность предполагает самовыражение человека, с одной стороны, и его внимание к выразительности объектов мира, с другой.

Будучи положенной в основание общения, ктойность, как и любой индивидуальный акт мышления, вплетена в ткань повседневного взаимодействия и ассимилирована: «Образ, который люди предлагают о себе, это прежде всего их занятие, которое понимают другие...» [12, S. 20]. Так, первичные процессы самоидентификации и выстраивания сообщества оказываются интегрированными в общественную жизнь и не требуют от человека принятия феноменологической исследовательской установки.

Эддред, в отличие от Лукмана, в своем исследовании не пытался найти обоснование значимости и незначимости тех или иных действий. Он исходил из парадигмы хайдеггеровской метафизической установки, согласно которой человек обладает Логосом. Социальное *par excellence* связано, по мнению философа, с разрешением вопроса «кто мы как человеческие существа» [11, p. 27]. Несмотря на метафизическую ангажированность исследователя, линия его размышлений соответствует ранее приведенным аргументам о качественных различиях между приобщенностью к культурному контексту и собственно социальным сознанием, в совокупности представляющих собой «мир общий для всех». Тогда логика анализа сталкивается с проблемой о различии феноменального плана мира «само собой разумеющегося» и ктойности. Типичное, мир естественной установки, по преимуществу существует как жизненный мир и представляет собой фундамент для любого другого мышления, *sub-worlds* [12]. Глубина ретенции в этом случае не превышает глубину прошлого опыта и рефлексии над ним [12, S. 196]. Конституирование собеседников предположительно должно осуществляется в форме повторного воспроизведения типичного (репродукции) и фактически быть не

конституированием, а именно конструированием. Многообразие возможного опыта сводится к простейшей жизненной форме – Я-осознанность (a more primitive sphere of the I), под которой подразумевается Я-позиция по отношению к миру [13, p. 43–44]. Однако отношение социального (Thou related I, speaking I) – *другая жизненная форма*, выделяемая еще А. Шютцем, но им не изученная. Жизненные формы различны по характеру длительности и дискретности, осознанности и бессознательности, уединенности или общности и т.д., что требует отдельного глубокого исследования.

Таким образом, воссоединение двух интенциональных установок – повседневное мышление и ктойность – может свидетельствовать не только об их тесной взаимообусловленности, но и о возможной имманентности друг другу. Привлечение к анализу предметной области социальной феноменологии широкого круга авторов свидетельствует об их общей концептуальной близости. Как с позиции классической феноменологии, так и конструкционизма, постулируется сущностное различие между примордиальной сферой субъекта коммуникативного взаимодействия и принятой в конкретном обществе традицией общения. С точки зрения феноменологического анализа, предлагаемого для исследования социальной реальности, влияние культуры, имманентное сознанию, не оказывает существенного влияния на основания коммуникативного взаимодействия и носит акцидентальный характер. Тогда формулирование предмета социальной феноменологии очерчивает обширный круг вопросов, важнейшим из которых является вопрос о конституировании коммуникативного горизонта. Его границы напрямую связаны с вопрошанием человека о самом себе как коммуницирующем существе, а также с определенной позицией в отношении к миру. Дальнейшая разработка намеченных в данной работе проблем должна быть связана с выявлением феноменального плана «социального сознания», которое сможет прояснить положение жизненных форм.

Список литературы

1. Schutz A. The phenomenology of the social world. London : Heinemann educational books, 1972. 255 p.
2. Шульга А. Н. Феноменологическая парадигма в социологии : теоретический кризис и путь выхода из него // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 85–97.
3. Luckmann T. Phänomenologie und Soziologie // Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. Stuttgart : Enke, 1979. S. 196–206.

4. Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М. : Канон, РООИ Реабилитация, 2009. 400 с.
5. Zahavi D. Husserl and transcendental intersubjectivity : A response to the linguistic-pragmatic critique. Ohio : Ohio University Press, 2001. 291 p.
6. Борисов Е. В. Проблема intersубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Логос. 1999. № 1. С. 65–83.
7. Luckmann T. On the boundaries of the social world // Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. Hague : Martinus Nijhoff. 1970. S. 73–101.
8. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Halle a.d. S. : Verlag von Max Niemeyer, 1922. 324 S.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента Наука, 1999. 606 с.
10. Frith C. Making up the Mind : How the Brain Creates Our Mental Worlds. Oxford : Blackwell publishing, 2007. 246 p.
11. Eldred M. Social Ontology. Recasting Political Philosophy Through a Phenomenology of Whoness. Berlin : De Gruyter, 2013. 706 p.
12. Marx W. The Life-World and the Particular Sub-Worlds // Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. Hague : Martinus Nijhoff, 1970. S. 62–73.
13. Schutz A. Life Forms and Meaning Structure. London, Boston, Melbourne and Henley : Routledge, 2014. 217 p.
3. Luckmann T. Phänomenologie und Soziologie. In: *Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften*. Stuttgart, Enke, 1979, S. 196–206.
4. Smirnova N. M. *Sotsialnaya fenomenologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva* [Social Phenomenology in the Study of Modern Society]. Moscow, Kanon Publ., ROOI Reabilitatsiya Publ., 2009. 400 p. (in Russian).
5. Zahavi D. *Husserl and transcendental intersubjectivity: a response to the linguistic-pragmatic critique*. Ohio, Ohio University Press, 2001. 291 p.
6. Borisov E. V. The problem of intersubjectivity in E. Husserl's phenomenology. *Logos* [Logos], 1999, no. 1, pp. 65–83 (in Russian).
7. Luckmann T. On the boundaries of the social world. In: *Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften*. Hague, Martinus Nijhoff, 1970, S. 73–101.
8. Husserl E. *Ideen zu Einer Reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie*. Halle a.d. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1922. 324 S.
9. Merleau-Ponty M. *La Phénoménologie de la Perception*. Paris, Gallimard, 1945. 531 p. (Russ. ed.: Merleau-Ponty M. *Phénoménologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, Yuventa Nauka Publ., 1999. 605 p.).
10. Frith C. *Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental Worlds*. Oxford, Blackwell publishing, 2007. 246 p.
11. Eldred M. *Social Ontology. Recasting Political Philosophy Through a Phenomenology of Whoness*. Berlin, De Gruyter, 2013. 706 p.
12. Marx W. The Life-World and the Particular Sub-Worlds. In: *Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften*. Hague, Martinus Nijhoff, 1970, S. 62–73.
13. Schutz A. *Life Forms and Meaning Structure*. London, Boston, Melbourne and Henley, Routledge, 2014. 217 p.

References

1. Schutz A. *The phenomenology of the social world*. London, Heinemann educational books, 1972. 255 p.
2. Shulga A. N. The phenomenological paradigm in sociology: theoretical crisis and the way out of it. *Sotsialno-*

Поступила в редакцию 14.02.2021, после рецензирования 01.03.2021, принята к публикации 05.07.2021
Received 14.02.2021, revised 01.03.2021, accepted 05.07.2021